

УДК 821.1
ББК 83.3

О.А. Джумайло

УТОПИЯ И СЕЛЕКЦИЯ В РОМАНЕ В. ВУЛЬФ «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ»

Статья обращена к образу сада в романе Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй». Отталкиваясь от ранее разработанной автором идеи утопического пространства, возникающего в эпизодах пребывания героев в Лондонском Риджентс-парке, и отсылающего к античным и библейским образам, автор развивает два других актуальных для времени написания романа интеллектуальных контекста. Первый связан с дискуссиями вокруг селекции и евгеники 1910–1920 гг. и указывает на болезненную хрупкость «Я» романного героя Септимуса Смита (и самой Вульф), становящегося «нездоровой садовой культурой». Второй актуализирует антивоенный контекст романа при рассмотрении образа Септимуса как ветерана войны, представителя целого поколения молодых людей, переживших контузию, сломленных (образ дерева) по вине «государственных садовников» (образ кабинета министров в романе).

Ключевые слова: *Вирджиния Вульф, «Миссис Дэллоуэй», утопия, селекция, евгеника, сад, Риджентс-парк.*
DOI: 10.18522/1995-0640-2016-4-12-19

Джумайло Ольга Анатольевна – докт. филол. наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-513-01-70
E-mail: dzum2@yandex.ru

© Джумайло О.А., 2016.

Роман Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» (1925), ныне один из самых исследованных текстов, ставших эмблемой нового художественного языка модернистов и его образцом, по иронии судьбы, связан с весьма непростым автобиографическим контекстом, всякую образцовость отрицающим. Вульф не только задумывала роман как своего рода революцию письма, но разворачивала сюжет вокруг глубоко личного опыта уязвимости и хрупкости персонального «Я», его принципиального несоответствия представлениям о некоем усредненном человеческом материале. Так в романе появляется альтер-эго главной героини – ветеран войны, молодой полубезумный поэт Септимус Смит, который в последних главах романа выбрасывается из окна, спасаясь от психиатров.

Любопытно, что поэтичная душа Септимуса причастна красоте Риджентс-парка, выступающего в романе как утопическое пространство рая [Джумайло, с. 126–161]. Однако библейские и аркадские мотивы совмещаются в сознании Септимуса с прогрессивной научной перспективой. Именно этот неожиданный поворот в трактовке сада как утопии интересует нас в романе. Прекрасный сад становится не только пространством всеблагим для всякой твари (особенно памятны длинные ряды многообразных цветов, деревьев, птиц, животных из питомника Риджентс-парка), но и пространством сознательной садовой селекции. Здесь уместно вспомнить о том, что ландшафтный Риджентс-парк был местом рабо-

ты Зоологического и Ботанического обществ, располагал ботаническим садом и имел штат профессиональных садовников. Этот рациональный селективный подход предполагает выбраковку негодных экземпляров во благо будущего цветущего сада. Иначе говоря, «утопический» сад (здесь как сад, культивируемый людьми) неизбежно оборачивается отбором лишь здоровых образцов.

Таким образом, сад связан с идеей научного прогресса, эволюции видов и далее, с евгеникой. В этом отношении важно помнить о нездоровье Септимуса (и самой Вульф) и о весьма высоком тоне обсуждения вопросов селекции и евгеники в интеллектуальных кругах, близких Вульф. Кроме того, идея человеческого контроля над садом вводит еще один важный «государственный» контекст, связанный с Риджентс-парком, в котором располагались виллы членов Парламента, буквально решающих судьбы людей, или «государственных садовников», проводящих селекцию.

Обратимся к специфичным видениям Септимуса. Возможно, явившийся Септимусу страшный образ пса, который превращается в человека, навеян близостью зоопарка, открытого для публики в 1848 г., в эпоху викторианства. Ассоциативный фон высвечивает прогрессизм поздних викторианцев, их увлечение концепциями Дарвина и позитивистскими взглядами. Зоологическое и Ботаническое общества, находящиеся в Риджентс-парке, «требуют» от Септимуса научного мышления. Так, пес, превращающийся в человека, – страшная картина эволюции, чуждая Септимусу – указывает на попытки мыслить научно. «Пес превращался в человека! Только не видеть! Беспредельна милость благих небес! Его пощадили, снизошли к его слабости. Но каково же научное объяснение (ко всему ведь нужен научный подход)? Почему его взгляд проникает насквозь и прозревает будущее, когда собаки превратятся в людей?» [Вульф, с. 69].

В бессвязных речах Септимуса со всей очевидностью прочитывается современный Вульф интеллектуальный контекст размышлений о евгенике и ее собственных интересах, которые подкреплялись не только близкой дружбой с молодыми учеными-естественниками из Кэмбриджа, но и семейным воспитанием.

Библиотека семьи Стивен включала сочинения пионеров викторианской науки Артура Эддингтона, Джеймса Джинса и Чарльза Дарвина. Знаменитые труды последнего – «Происхождение видов» и экземпляр «Дневника натуралиста, составленного во время путешествий на корабле “Бигль” (1879)», – венчались автографами автора «От автора с наилучшими пожеланиями». К тому же знаменитый зоолог, популяризатор науки и защитник эволюционной теории, прозванный «бульдогом Дарвина», Томас Гексли (дед Олдоса Хаксли) был близким другом отца Вирджинии. Внушительная коллекция естественнонаучных трудов включала подборку исследований по общей ботанике, энтомологии (в особенности, бабочки), орнитологии, а так же труды натуралистов того времени [Scott, p. 45].

Вульф видела разнообразные экспозиции Музеев естествознания как в Лондоне, так и в Брайтоне, в котором к тому же имелся аквариум [Scott, p. 45]. Первые дневниковые записи о посещении Музея естествознания, открытого в 1881 г. храма науки в романском стиле, стены которого были богато украшены изображениями флоры и фауны, свидетельствуют о глубоком впечатлении пятнадцатилетней Вирджинии. Детские воспоминания также включают многочисленные визиты семьи в зоопарк, в котором посетителям разрешалось кормить слонов и медведей и совершать прогулки верхом на животных.

Вульф была хорошо осведомлена об истории, природной среде и топографии Лондона, она легко представляла себе его «естественную эволюцию» в исторической перспективе, о чем говорят ее многочисленные эссе и целый ряд романских эпизодов. Траектория прогулок Вульф практически всегда включала известные Кенсингтонские сады, Ботанические сады в Кью, с их прекрасной коллекцией деревьев со всего мира, и зоосад Риджентс-парка. Она знала о том, что под современными лондонскими мостовыми покоятся окаменелости, свидетельствующие о ранних формах жизни.

Кроме того, Вульф посещала курсы Лондонского общества любителей кинематографа (London Film Society), на встречах которого демонстрировалась «бионимическая коллекция» («Bionomics Series»), состоящая из крупных планов растений и животных [Scott, p. 44].

Коллекционная «образцовость», однако, дает сбой в жизни самой Вульф, как известно, тяжело страдавшей от депрессий и немало размышлявшей о причинах своей физической и психической хрупкости. Ко времени создания романа Вульф пережила тяжелые приступы болезни в 1904, 1913 и 1915 гг. и лечилась у двенадцати докторов. Дневниковая запись Вульф от 19 ноября 1922 г. связана с размышлениями об образе Септимуса: «Он должен напоминать Р.? Его лицо. Глаза широко расставлены – не дегенерат. Но и не интеллеktуал. Был на войне. Или он должен напоминать меня?» [Wert, p. 75]. Часть личного биографического опыта, несомненно, делегируется Септимусу. Однако Вульф не могла не подмечать следы личностной уязвимости в окружавших ее близких людях и знакомых. Одним из прототипов Септимуса становится подруга Вульф – Китти Максе, покончившая жизнь самоубийством. Но здесь под «Р.», возможно, имелся в виду Руперт Брук, прошедший войну, или Ральф Партридж, работавший в издательстве Вульфов Хогарт-пресс с 1920 по 1923 г. Он, как и литературный Септимус, воевал на итальянском фронте. Однако обратим внимание на слово «дегенерат».

Любопытно, что Септимус «глотал Шекспира, Дарвина, “Историю цивилизации” и Бернарда Шоу» [Вульф, с. 85], что ему, поэту-пророку, вдруг является идея того, «что мир вообще бессмыслен» [Вульф, с. 88]. А отказ от изначальной человеческой греховности, болезненное прозрение падшего мира и «отвратительной человеческой природы», по-видимому, побуждают его вычитывать эти мысли у великих поэтов. «Как ненавидел Шекспир человечество, которое наряжается, плодит де-

тей, оскверняет уста и чрево! Наконец-то Септимус понял, что скрыто за прелестью слов. Тайный сигнал, передаваемый из рода в род – ненависть, отвращение, отчаяние. Таков и Данте. Таков же (в переводе) Эсхил» [Вульф, с. 89]. Септимус не желает иметь детей.

Своего рода «садовниками», заботящимися о здоровье будущего в романе, выступают доктора Септимуса, декларирующие необходимость нормы и предписывающие герою повседневные дисциплинарные практики – прогулки, режим питания, сон. Септимус оказывается нездоровой «садовой культурой», требующей ухода, «прополки», «обрезки и стрижки». Как известно, доктора самой Вирджинии Вульф (ставшие прототипами для романских персонажей), в соответствии с духом времени, настаивали на том, чтобы супруги Вульф не имели детей. Психиатры, воспринявшие дарвинистские взгляды на эволюцию, высказывали мнение об опасности дегенерации расы вследствие продолжения рода в семьях, члены которых имеют психические отклонения. В ближайших к Вульфам кругах эта тема не могла не обсуждаться: жена Роджера Фрая находилась в Retreat, доме для пациентов с психическими расстройствами; супругам Расселам настойчиво советовали воздерживаться от пополнения семьи, ибо у обоих в роду были душевнобольные. Лечащий врач Вульф Джордж Сэвидж еще в 1880 г. писал о том, что безумная пациентка может дать жизнь неполноценному, эпилептичному или «сомнамбуличному» ребенку. Вульф задумывалась о евгенике и неоднократно с ужасом высказывалась о психических больных в своих заметках, очевидно, воспринимая теоретические построения дарвинистов и в контексте собственного неблагополучия.

Так называемая «превентивная евгеника» доминировала в исследованиях наследственности, проводимых Лабораторией евгеники Галтона (Galton Eugenics Laboratory), работающей под руководством статистика К. Пирсона и генетика Р.А. Фишера. Это было типично для левых интеллектуалов той эпохи. В это время появился тест на IQ, и в 1913 г. официальная британская статистика указала на десятки тысяч неполноценных. Близкий к блумсберийцам Олдос Хаксли в 1920–1930 гг. пишет эссе с кричащими заголовками: «What Is Happening to Our Population?», «Are We Growing Stupider?». И Хаксли, и Вульф были знакомы с ведущими генетиками, физиками и химиками Оксфорда и Кембриджа (Дж. Б. Холдейном, Дж. Д. Берналем, Дж. Нидхемом). Г. Уэллс, известная феминистка Ш.П. Гилман, Б. Шоу поддерживали политику по ограничению рождаемости в силу тех или иных (физиологических и социальных) причин. Все они, а также Бертран Рассел, писали популярные книги и эссе о биологическом и психологическом инжиниринге, пользе и потенциальном вреде науки. Так, почти в то же время, что и роман Вульф, появилась книга Холдейна «Дедал, или наука и будущее» (1923), в которой сообщалось о будущем искусственном оплодотворении и разного рода социальных последствиях этого научного прорыва. Любопытно, что все из перечисленных поклонников евгеники приветствовали планирование [Jones, p. 113–136], что вновь метафорически отсылает нас

к образу ботанического сада. Кроме того, исторически на территории Ридженс-парка находился приют для умалишенных сирот, взрослых дочерей офицеров и священников [Rabbitts, p. 65]. Так утопия идеального сада в романе Вульф вступает в конфликт с несовершенством и хрупкостью отдельных индивидов, отчужденностью «Я», не совпадающего с нормой.

Обратим внимание на то, что идеи евгеники и планирования должны были сопровождаться признанием необходимости меритократии. «Люди не смеют рубить деревья!» – слова Септимуса, обращенные к премьер-министру.

Исследователи, работающие с конкордансом к романам Вульф, указывают на большую частотность упоминаний «деревьев» – 801 (с учетом лексем «лист и листья» – 1201) [Viola, p. 240]. В феноменологии сознания Вульф дерево становится человеком, листья и ветви которого поют на ветру, опали, сломаны и пр. (см., к примеру, образ женщины у метро Риджентс-парк или образ Сильвии, сестры Клариссы). Само дерево, как мифологическое Древо жизни, выражает идею полноты [Alexander, p. 101 – 104] и единства всего живого, «будто охваченного множеством объятий лиственной и ветвистой кроны» [Hillis Miller, p. 181]. В этом отношении и единичное дерево с опавшими листьями и дерево, выражающее мир всего живого, в романе Вульф ассоциировано не только с болезненной хрупкостью «Я», но и с идеей павших и срубленных (убитых на войне).

По-английски fallen означает «павший» – павший Эванс появляется в мыслях Септимуса. В исследуемом контексте дерева, точнее, прекрасное дерево, под которым оказывается Септимус, прежде всего, отсылает к уже нарушенной войной аркадской безмятежности природного всеединства, к ряду библейских аллюзий, прихотливо преломленных в сознании поэта-безумца, к вергилиевым элегическим мотивам [Bradshaw, p. 107–125] и т.д. Но не менее важным оказывается собственно антивоенный посыл, воззвание к премьер-министру.

«...Деревья – живые...» [Вульф, с. 26]; «Люди не смеют рубить деревья! Бог есть. (Свои откровения он записывал на обороте конвертов.) Изменить мир. Никто не убивает из ненависти. Да будет известно (он и это записал)» [Там же, с. 28], «... Следует открыть кабинету министров тайное тайных: во-первых, деревья живые; затем – преступления нет, затем – любовь, всеобщая любовь, он бормотал...» [Там же, с. 69].

Образ меритократии, решающей людские судьбы, – частотный мотив утопии, начиная с Платонова «Государства». Возможно, поэтому в размышлениях Септимуса возникают мысли о кабинете министров. «...Он, Септимус, один призван, избран услышать истину, познать смысл, ибо после всех трудов цивилизации (греки, римляне, Шекспир, Дарвин и наконец-то он сам) настала пора открыть этот смысл непосредственно... «Кому?» – спросил он вслух. «Премьер-министру», – прошелестели голоса над его головой. Следует открыть кабинету министров тайное тайных... и эти глубокие скрытые, закрытые истины

было мучительно трудно выговорить, но они полностью и навек изменят мир» [Вульф, с. 69].

Смешение в одном ряду греков, римлян, Шекспира и Дарвина говорит о нездоровье, но так ли нелепо желание открыть истину именно премьер-министру? Возможно, находясь в Риджентс-парке, Септимус актуализирует непосредственный исторический контекст данного места: в парке находятся виллы, построенные в палладианском стиле (отсылка к классической храмовой архитектуре Древней Греции); на открытых подмостках Риджентс-парка разыгрываются шекспировские постановки; парк располагает площадями, отведенными под ботанические сады и зоопарк (отсылка к Дарвину). Кроме того, по замыслу архитектора, «изящные виллы должны были усеять новый парк, их предполагалось сдавать членам парламента, юристам и другим столь же процветающим категориям людей, которые нуждались в прямой дороге до Вестминстера. Так возникла Риджентс-стрит» [Кидсон, Мюррей, Томпсон, с. 293].

В романе меритократия представлена образом Ричарда, мужа Клариссы и члена парламента. Ричард Дэллоуэй и Сэр Уильям Брэдшоу обсуждают парламентский билль, что говорит о косвенном признании болезни Септимуса как военной контузии (*shell-shock*). И хотя образ Септимуса не появлялся в первых двух набросках романа *Mrs. Dalloway in Bond Street* и *The Prime Minister*, еще в 1923 г. Вульф открывает роман процессией сыновей павших офицеров, возлагающих венки на лондонский Кенотаф.

В наброске романа (*Hours*) разговор Ричарда Дэллоуэя и сэра Уильяма Брэдшоу уже напрямую связывает самоубийство Септимуса и «последствия состояния контузии» [Wert, p. 88]. Как известно, большинство друзей Вульф из круга блумсберийцев были страстными противниками войны. Среди них Дж. М. Кейнс, Л. Стейчи, К. Белл и Б. Рассел. Последний попал в тюрьму за свои пацифистские выступления. В этом контексте призыв Септимуса: «Люди не смеют рубить деревья!» звучит как отчаянный призыв к государственным мужам остановить войну.

Примечательно также, что после Первой мировой войны несколько вилл парка были заняты под реабилитационные центры для солдат и офицеров: St Dunstan's Villa приняла слепых и увечных солдат и моряков; Королевский госпиталь Св. Екатерины во время войны стал местом лечения британских и американских офицеров, а после был преобразован в West London Hospital for Nervous Diseases.

Вульф была знакома с «окопной поэзией» Зигфрида Сассуна, Уилфреда Оуэна (в особенности примечательно в нашем контексте стихотворение «Mental cases») и Эдмунда Бландена. Контузия и склонность к поэзии, несомненно, связывают образ Септимуса и Сассуна, который, возможно, стал одним из его прототипов. Известно, что поэт тяжело пережил потерю брата в Галлиполийском сражении и отличался невероятной храбростью, граничившей с самоубийственным отчаянием. В 1917 г. после смерти близкого друга поэт пережил серьезный кризис,

был признан негодным к службе и направлен на лечение от последствий контузии в Креглокхартский госпиталь (Craiglockhart Hospital) недалеко от Эдинбурга, где и познакомился с Уилфредом Оуэном. Сассун оставил о встрече с Вульф в 1924 г. дневниковую запись [Sassoon, p. 78 – 89].

Однако исследователи также обращают внимание на то, что Септимус был награжден двумя крестами (Military Cross и Croce de Guerra). Это указывает на еще двух друзей Вирджинии Вульф по блумсберийскому кружку – Ральфа Партриджа и Джеральда Бренана. Именно последний имел оба креста, воевал в Испании и позже стал литератором. Приведенная выше дневниковая запись продолжается: «Почему бы ему (Септимусу) не быть похожим и на Дж. Б.?» [Wert, p. 75]. Так, вопреки распространенному представлению о малом интересе модернистов к изображению конкретных исторических реалий, тяжело переживающая утрату брата Тоби Вирджиния Вульф обращается к целому поколению молодых людей – ветеранов войны, пишет о мировой рубке «деревьев» и непереносимости мысли о навсегда покалеченном мировом саде.

Оставаясь шедевром модернистской интроспекции, роман «Миссис Дэллоуэй» и образ сада в нем обращены к двум важнейшим историческим и интеллектуальным контекстам, тесно связанным с личными переживаниями Вирджинии Вульф. Идеальный сад, как производное человеческих селекционных усилий, отражает дискуссии по поводу евгеники и психического здоровья отдельных индивидов (сама Вульф и ее романная героиня Септимус) и нации в целом. Кроме того, Риджентс-парк и его связь с меритократией косвенным образом актуализирует антивоенный контекст романа, пронзительную реакцию писательницы на «государственную селекцию» и трагическую судьбу целого поколения молодых людей, «деревьев», сломленных Первой мировой войной.

Литература и источники

- Вульф В.* Миссис Дэллоуэй: романы, повесть / пер. с англ. Е. Суриц. СПб., 1993.
- Джумайло О.А.* Личная память и пространственная эмблематика у Т. Де Квинси и В. Вульф // Эстетизация личного опыта в западноевропейском романе XVIII – XX вв. Ростов н/Д., 2014.
- Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П.* История английской архитектуры. М., 2003.
- Bradshaw D.* 'Vanished Like Leaves': The Military, Elegy, and Italy in *Mrs. Dalloway* // *Woolf Studies Annual* 8 (2002).
- Alexander J.* The Venture of Form in the Novels of Virginia Woolf. Kennicat Press, 1974.
- Hillis Miller J.* Fiction and Repetition: Seven English Novels. Blackwell, 1982.
- Jones G.* Social Hygiene in Twentieth Century Britain. London, 1986.
- Rabbitts P.* Regent's Park. Gloucestershire: Amberley Publishing, 2013.
- Sassoon S.* Diaries 1923-1923 / ed. Rupert Hart-Davis. London, 1985.
- Scott B.K.* In the Hollow of the Wave: Virginia Woolf and a Modernist Uses of Nature. Charlottesville, 2012.
- Viola A.* «Buds on the Tree of Life»: A Recurrent Mythological Image in Virginia Woolf's *Mrs. Dalloway* // *Journal of Modern Literature*. Vol. 20, No. 2 (Winter, 1996).

Wert V.W. The Early Life of Septimus Smith // Journal of Modern Literature. Vol. 36, No. 1 (Fall 2012).

References

Woolf V. Mrs Dalloway: romany, povest / per. s angliyskogo E. Suritz. St Peterburg, 1993.

Dzhumaylo O.A. Lichnaya pamyat' i prostranstvennaya emblematika u T. de Quincey i V. Woolf // Estetizatziya lichnogo opyta v zapadnoevropeiskom romane XVIII – XX vekov, Rostov n/D., 2014. S. 126 – 161.

Kidson P., Murrey P., Tompson P. Istoria angliyskoy architektury, M., 2003.

Bradshaw D. 'Vanished Like Leaves': The Military, Elegy, and Italy in Mrs. Dalloway // Woolf Studies Annual 8 (2002). S. 107–125.

Alexander J. The Venture of Form in the Novels of Virginia Woolf. Kennicat Press, 1974. P. 101 – 104.

Hillis Miller J. Fiction and Repetition: Seven English Novels. Blackwell, 1982.

Jones G. Social Hygiene in Twentieth Century Britain. London, 1986.

Rabbitts P. Regent's Park. Gloustershire: Amberley Publishing, 2013.

Sassoon S. Diaries 1923-1923 / Ed. Rupert Hart-Davis. London, 1985.

Scott B.K. In the Hollow of the Wave: Virginia Woolf and a Modernist Uses of Nature. Charlottesville, 2012.

Viola A. «Buds on the Tree of Life»: A Recurrent Mythological Image in Virginia Woolf's Mrs. Dalloway // Journal of Modern Literature, Vol. 20, No. 2 (Winter, 1996). P. 239 – 247.

Wert V.W. The Early Life of Septimus Smith // Journal of Modern Literature, Vol. 36, No. 1 (Fall 2012). Pp. 71-89.

Olga A. Dzhumaylo. (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Utopia and Selection in Virginia Woolf's 'Mrs Dalloway'

The paper develops the author's interpretation of the garden imagery in the novel *Mrs Dalloway* by Virginia Woolf, which was suggested before. Apart from antique and biblical allusions found in fictional representation of London Regent's Park, where characters of the novel find themselves, there should be also distinguished two up-to-date intellectual contexts. The first one is connected with the discussions of 1910-1920 on selection and eugenics and demonstrates fragility of 'Self' of fictional Septimus Smith (and in a similar way of Woolf herself), who appears to be 'an unhealthy garden species'. The second one brings forth antiwar context of the novel, considering Septimus as a war veteran suffering from shell-shock and representing the whole generation of a broken young men (tree imagery), whose misfortune was the effect of the work of 'state gardeners' (a cabinet imagery in the novel).

Key words: *Virginia Woolf, Mrs Dalloway, utopia, selection, eugenics, garden, Regent's Park.*

Olga A. Dzhumaylo – Doctor of Philology, associate professor of the department of world literature and criticism. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University. Phone: 8-918-513-01-70; e-mail: dzum2@yandex.ru